

Читайте детективы
ВАЛЕРИЯ ВВЕДЕНСКОГО
в серии «Детектив
Российской империи»

ПРИКАЗЧИК
БЕЗ ГОЛОВЫ

СЛОМАННАЯ ТЕНЬ

СТАРОСВЕТСКИЕ
УБИЙЦЫ

МЕРТВЫЙ ЧАС

УБИЙЦА
ИЗ ПРОШЛОГО

В А Л Е Р И Й
ВВЕДЕНСКИЙ

Убийца
из
прошлого

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении обложки использованы фотографии:
Yasonya, Elzbieta Sekowska / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Введенский, Валерий Владимирович.

В24 Убийца из прошлого / Валерий Введенский. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с. — (Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-04-094974-8

Осень 1870 года. Прочитав главу из романа «Убийца из прошлого», Александра Ильинична Тарусова неожиданно узнает, что описанное в ней преступление — убийство извозо-промышленника и его любовницы — произошло на самом деле. Но когда? До выхода газеты или после? Откуда автор романа Андрей Гуравицкий знает столько подробностей? Ведь даже следователь выяснил их далеко не сразу. Виновен ли задержанный полицией Иван Стрижнев или, как утверждается в романе, улики против него подкинул настоящий убийца? Если так, то тогда, согласно новой науке оптографии, его изображение должно отпечататься в глазах жертвы. И Александра Ильинична решает в них заглянуть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Введенский В., текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094974-8

*Памяти моего друга
Андрея Логинова*

У отца три сына было...
Старший говорит:
«В вицмундире очень мило,
И я буду сыт».

Вот второй промолвил смело:
«Я же — на коня!
Бить врагов — святое дело!
Отпусти меня!»

«Ну а ты, — спросил родитель
Третьего, — куда?» —
«Мир велик! Я — сочинитель.
Вот моя звезда!»

Старший служит, есть уж дети,
Сам солидным стал;
Генерал — второй, а третий...
Без вести пропал.

В. И. Богданов¹, 1870 год

¹ *Владимир Иванович Богданов (1837–1886) — автор песни «Дубинushка».*

ГЛАВА 1,
В КОТОРОЙ ПЕРВУЮ ГЛАВУ
ЧИТАЕТ РАЗРУЛЯЕВ

*Четверг, 26 ноября 1870 года,
Санкт-Петербурге*

Ксения Алексеевна и Сергей Осипович избегали друг друга. Встречались лишь на утренней воскресной службе и по четвергам за завтраком. Во все остальные дни Ксения с сыном (мальчика назвала Лешенькой в честь ее покойного отца) уходили на прогулку задолго до пробуждения Сергея Осиповича. А вставал Разруляев теперь поздно — вскакивать ни свет ни заря причин у него больше не было. Да и светает в Петербурге, куда по настоянию Ксении переехали после свадьбы, гораздо позже, чем в Новгородской, особенно зимой.

Пробудившись от солнечных бликов, Сергей Осипович надел халат, сунул ноги в тапочки и направился в столовую выпить кофе. Увидев за столом супругу (как раз случился четверг), дежурно буркнул: «Добрый день». Ксения Алексеевна, пробормотав в ответ «Здравствуйте», сразу поднялась.

— Уже насытились? — без всякого интереса, лишь бы прервать тягостное молчание, так раздражавшее в собственном доме, спросил Сергей Осипович.

— Да, мне пора, — ответила жена.

— Опять нищим помогать?

По четвергам Ксения посещала заседания благотворительного общества. Какого именно — Разруляев не знал и знать не хотел. Зачем? Чем бы дитя ни тешилось... Хотя увлечение супруги влетало ему в копейку: только лишь собирать средства казалось Ксении Алексеевне недостаточным, считала обязанной вносить свою лепту.

— Надо же чем-то заниматься, — пожалала плечами супруга. — Сегодня собираем на нужды Воспитательного дома.

Сергей Осипович скривился, но что поделать — достал бумажник. Средствами был обязан супруге, потому никогда в них ей не отказывал. Протянул красненькую и два полтинника на извозчика. Все-таки мороз.

— Не надо. Пешком пройду. Полезно для здоровья, — отвергла серебро Ксения Алексеевна.

— А Лешенька где? Гуляет? — уточнил Сергей Осипович опять же для поддержания разговора.

— Да вы же знаете, он, словно пташка, встает всегда рано. Они с Феклой давно уже в парке. Хорошего дня, — пожелала супруга и удалилась.

Плотно позавтракав, Сергей Осипович отправился в кабинет разбирать почту. Сперва прочел письмо от Шелагурова, в котором, как Разруляев и ожидал, шурин увернулся от прямого ответа, однако пообещал вскоре приехать и вот тогда все решить.

Неожиданно раздался мелодичный звон, Сергей Осипович с непривычки вздрогнул. А потом понял, что это звенит новомодный механический колокольчик, который им недавно подарил Шелагуров.

Сергей Осипович немного подождал — не откроет ли Лужка. Но, видимо, и ее дома не было, на рынок ушла или в лавку, пришлось плестись в коридор.

— Кто там? — спросил он через дверь.

— Рассыльный. Пакет для господина Разруляева.

Сергей Осипович расписался, сунул «шапке»¹ гривенник и вернулся в кабинет. Ножом для бумаг вскрыл полученный пакет, с недоумением вытащил из него газету, какой-то неведомый «Глас Петербурга», сегодняшний номер. И, не читая, скомкал. Решил, что издатель рассылает для привлечения новых подписчиков.

Но что это? Заголовок одной из колонок был отчеркнут чернилами. Сергей Осипович бережно расправил газету, нацепил пенсне... О боже!

«УБИЙЦА ИЗЪ ПРОШЛАГО».

Хроники петербургской сысканой полиции
за 2016 годъ

Фантастический романъ
господина Андрея Гуравицкого

«Лишь только Солнце покинуло небосводъ, надъ столицей вспыхнуло другое свѣтило, электрическое. Циклопическихъ размѣровъ башня, на которой оно крѣпилось,

¹ Так называли посыльных.

была выстроена почти столѣтіе назадъ на Пулковскихъ высотахъ, изъ-за чего обсерваторію, издавна тамъ обитавшую, перенесли за 140 верстъ въ Лугу, гдѣ свѣтъ искусственной звѣзды не мѣшалъ астрономическимъ наблюденіямъ»¹.

Неужели Гуравицкий рискнул вернуться? Но зачем?

Разруляев подошел к книжному шкафу, где за томиком Гоголя прятал бутылку, налил в стакан на полпальца коньяка и с жадностью выпил, дабы успокоить нервы и избавиться от дрожания в членах. Вернувшись к столу, схватил газету и принялся читать:

«Начальник сыскной полиции Кобылин выглянул в окно. Убедившись, что на Большой Морской включили иллюминацию, засобирался домой. Дела его на службе не держали. Честно говоря, их и не было. И не было давно. За прошедшие с судебных реформ сто пятьдесят лет Образование и Просвещение искоренили преступность почти полностью. Зачем воровать, если можно заработать честным трудом?

Тщательно расчесав пушистые бакенбарды и остатки некогда пышных волос, Кобылин запер кабинет и спустился с четвертого этажа по лестнице вниз (после того как лифт в здании переделали из парового в электрический, он пользоваться им перестал — знал, что сила тока

¹ Далее для удобства читателей текст романа будет приводиться в современной орфографии.

в двигателе достигает смертельных для человека величин, и опасался жуткой смерти).

Дмитрий Иванович не одобрял прогресс. С ужасом узнал недавно, что в Англии тамошние инженеры пытаются уменьшить электрический чудо-двигатель, чтобы заменить им лошадей в экипажах. Если такое случится, Кобылину придется выйти в отставку, ведь в самодвижущихся экипажах ездить он не станет ни за какие коврижки.

Дойдя до станции «Адмиралтейская», начальник сыскной спустился по лестнице под землю и принялся ждать машину. Прибытию ее на дебаркадер предшествовали клубы дыма от парового котла, силой которого она двигалась.

Подземка тоже вызывала у Дмитрия Ивановича отвращение, но трястись в санях до Парголово пришлось бы часа три, не меньше: количество жителей в столице в двадцать первом веке перевалило за три миллиона, улицы были запружены экипажами, в конке стало не протолкнуться.

На станции Парголово Кобылин поднялся на поверхность, прикинул, не взять ли извозчика, но решил последнюю версту пройти пешком, чтобы размять затекшие от дневного сидения ноги.

Состоятельные люди теперь селились в предместьях, где их взору и нюху не мешал фабричный дым. Уютные двухэтажные домишки с непременными палисадниками имели все немислимые удобства, как то: канализацию, водопровод, ванну и даже паровое отопление. Продукты из ближайших деревень привозились наисвежайшие, а бла-

годаря подземке главы семейств и учащиеся могли каждый день ездить туда-обратно в город.

Чинно пройдясь по гранитной мостовой, Дмитрий Иванович свернул в проулок к своему дому, но, услышав знакомый шум, остановился и задрал голову вверх. Управляемый воздушный шар. Не по его ли душу? И тотчас убедился в правоте предположения: шар, подлетев к его домику, завис прямо над ним. По веревочной лестнице оттуда стал спускаться полицейский надзиратель Алтуфьев.

Кобылин поспешил к нему.

— Ваше высокородие, — взял под козырек подчиненный, когда оказался на твердой земле. — Убийство.

— Бог мой! — воскликнул Кобылин.

За пять лет, что он руководил сыскным, считай, первое.

— Где? Кто?

— В Купчино, какой-то процентщик.

Управляемый воздушный шар — самое быстрое средство передвижения. И очень дорогое, только богачам да государственным учреждениям доступное. Небольшой паровой котел позволяет шару «идти» и в отсутствие ветра, и даже когда тот не попутный. Перекрестившись (он до смерти боялся на нем летать), Кобылин поднялся в корзину, поприветствовал следственную команду: фотографа, врача-эксперта, делопроизводителя — и отдал приказ капитану судна править в Купчино. Ветер благоприятствовал, потому через каких-то сорок минут приземлились у десятиэтажного доходного дома, подвал которого занимала лавка процентщика.

Труп был найден по чистой случайности. Экономный домовладелец, проходя мимо запертой на ночь лавки, заметил в окнах свет и, опасаясь пожара, вызвал околоточного. Дверь вскрыли: в подсобном помещении у огромного несгораемого сейфа обнаружили мертвое тело.

Коронат Сакердонович Перепетуя, так звали убитого, происходил из крестьян и большую часть жизни трудился на земле. Однако пять лет назад скоропостижно скончался его дядя-процентщик, и лавка неожиданно-негаданно досталась ему. Роста покойный Перепетуя был среднего, строение тела имел жилистое, глаза его, не успевшие смежиться после неожиданного удара сзади, показались Кобылину в свете свечи серыми, хотя могли быть и голубыми, левую, повернутую к сыщикам щеку покойника украшала крупная бородавка.

— Убит округлым, вероятнее всего, металлическим предметом, — вынес заключение доктор.

— Лом? — уточнил Кобылин.

— Или ломик, — изрек эксперт.

— В чем разница?

— Ломик маленький, в рукаве шинели легко спрятать.

Сейф вскрыт не был, из многочисленных витрин разбита всего одна.

Кобылин подошел к конторке, подергал ящики: заперты. Приказал надзирателю Алтуфьеву обыскать покойника. Связка нашлась в левом кармане панталон.

— Никак от сейфа? — удивился Алтуфьев, указывая начальнику на самый большой с многочисленными «зубками» разной длины и толщины ключ. — Откроем?

Предложение подчиненного Кобылин счел дельным. Раз заклады в витринах, считай, не тронуты, значит, преступник на сейф нацеливался. Если, конечно, ограбление замышлял, а не убийство. Однако в сейфе нашлось все, что должно было быть согласно описи. Ни дорогие сережки с бриллиантами, ни кольцо с индийским рубином преступника не заинтересовали.

Убийство из ревности или мести? Или наследник устал ждать, пока Перепетуя преставится?

Нет, выводы делать рано, сперва надо сверить остальные заклады. Вдруг из разбитой витрины что-то пропало?

Кобылин вернулся к конторке, перебрал связку, подобрал ключ к ящикам. В правом на самом верху обнаружил роман позабытого писателя Достоевского «Преступление и наказание». Сыщик припомнил, что сей автор в юности слыл либералом, даже на каторгу за убеждения угодил. Но потом переметнулся в другой лагерь и свой талант, так ценный Белинским, профукал, воспевая реакцию».

У Сергея Осиповича сжались кулаки. Да как Гуравицкий посмел написать подобное об обожаемом Федоре Михайловиче?

Он не знал, что автор нарочно написал гадость про Достоевского, чтобы его разозлить.

«Судя по конторским книгам, в разбитой витрине хранились самые грошовые заклады. Что сие значит? А то, решил Кобылин, что их украли, дабы запутать следствие.

— «Преступление и наказание»? — удивился судебный врач, заметив пухлый томик на конторке.

— Наверное, тоже заклад, — предположил Кобылин. — Книга-то старинная, девятнадцатого века.

— Очень это странно.

— Что именно?

— Разве не читали? Если отбросить философствования и сократить натуралистические описания, вполне себе криминальный роман: некий студент убивает старуху-процентщицу, дабы вернуть копеечный заклад.

— Процентщицу?

— Вот именно. Боюсь, книга тут неспроста. Наверное, покойник, — врач указала на прикрытого простыней Перепетуя, — о чем-то догадывался и оставил нам подсказку.

— Или убийца, — сам себе сказал Кобылин.

Он приказал кликнуть домовладельца. Когда тот явился, расспросил о лицах, чьи заклады были украдены из разбитой витрины, зачитав их имена по учетной книге. Все они домовладельцу были знакомы, каждого охарактеризовал положительно. Лишь один, студент Петр Кукелев, удостоился нелицеприятных слов:

— Погибший человек. Спился от несчастной любви. А какой был умница, на одни пятерки учился. Потому рука не подымается его выселить. Чего-то жду, на что-то надеюсь... Но позвольте, что Кукелев мог заложить? Пропил буквально все.

— Крестик нательный.

— Бог мой. Как же Коронат Сакердонович посмел в заклад его принять? Хотя понимаю, отлично его пони-